

А. М. Кротов
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ
УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА БЕЛОРУСОВ
В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКОВ
ПО ИЗУЧЕНИЮ БЕЛОРУССКОГО СТЕРЕОТИПА ПОЛЯКА**

В статье памятники устного народного творчества белорусов характеризуются как источники по изучению белорусского стереотипа поляка. Делается вывод, что в них содержатся базовые элементы данного стереотипа, определившие его характер и вектор развития. Особое внимание обращается на то, что в процессе научного исследования их следует отделять от заимствований в виде элементов польского автостереотипа или русского стереотипа поляка.

Белорусский стереотип поляка является объектом интереса такой молодой научной дисциплины, как историческая имагология. При этом он также представляет интерес для учёных, специализирующихся в других отраслях гуманитарного знания, прежде всего – этнологов. Однако, несмотря на общность интереса, подходы учёных различной специализации к этому объекту исследования существенно отличаются. Этнология, в частности, слишком академична. Она исследует этносы, опираясь на материалы, собранные этнографами, для получения, через сравнение и сопоставление различных этнокультур, выводов высокого уровня систематизации и типологизации. Другое дело – этнография, которая изучает отдельные этносы через прямой контакт с их культурой. Историки, специализирующиеся в области имагологии, охотно пользуются теми же источниками, что и этнографы. Однако, если последние удовлетворяются констатацией самих этнических характеристик, историки-имагологи фокусируют свой интерес на том, как те или иные качества представителей одной этнической группы воспринимались представителями другой этнической группы. И интерес этот имеет не только научный, академический характер, но ещё и практический – сформировавшиеся в результате непосредственных межэтнических контактов стереотипы активно использовались (и используются) в гуманитарных технологиях, которые опираются на представление о том, что человек одновременно находится под действием культурных, информационных, психологических и других факторов. Поскольку данные технологии работают с людьми, идеями и смыслами, они используются в политике («мягкая» сила, публичная дипломатия), образовании, управлении, рекламе, а также для решения нестандартных задач.

Кроме того, нельзя не отметить, что стереотипы, одинаково интересующие этнографов и историков-имагологов, отличаются друг от друга. В них обнаруживается лишь одна общая сфера стереотипизации – характер народа (или его нрав), национальный характер. Однако следует различать стереотипы (модели) поведения и само поведение, т. е. конкретные действия и поступки, являющиеся объективизацией стереотипа. Этнографов, в частности, интересует стереотип, который выполняет роль программы поведения, реализующейся в поведенческом тексте – стереотипизированных формах поведения: обрядах, обычаях, этикете, трудовых навыках и приёмах, играх, моде, отдыхе, праздниках, способах воспитания, ухода, оскорбления, наказания и т. п. [1, с. 14]. Однако очевидно, что соотношение стереотипа и соответствующего ему текста поведения наблюдается далеко не всегда, хотя, с «идеалистической» точки зрения этнографии, каждому стереотипу должен соответствовать определённый тип текста поведения [1, с. 15].

Народные же стереотипы, интересующие историков-имагологов, являются отступлением от научной, этнографической нормы. В них максимально выражает себя

реальный жизненный опыт этноса, в том числе и опыт отношений с соседями, появившиеся в ходе контактов с ними предубеждения и предвзятости. В данных стереотипах проявляют себя особенности национального характера. Это делает их актуальность не только научной, но и общественно-политической. Такие стереотипы являются предметом научного интереса не только историков, но и социологов, политологов и пр. При этом их генезис, а также их роль, как фактора исторического процесса в прошлом, входит в сферу интересов историков, а их современное состояние и их роль, как действующего фактора общественно-политических отношений, входит в компетенцию социологов и политологов. В полной мере сказанное касается и белорусского стереотипа поляка.

Каждый человек является носителем этнического автостереотипа и целого набора гетеростереотипов (стереотипов «чужих»), значение которых целиком зависит от характера отношений этноса, с которым он себя отождествляет, с этими «чужими». С обыденной точки зрения, впрочем, так же, как и с научной, стереотип «чужого» связан с особенностями его национального характера. Эта связь имеет эмоционально-психологическую основу, сформировавшуюся исторически в ходе реальных межэтнических контактов, предоставлявших представителям разных этносов возможности изучения друг друга. Чаще всего это происходило в ситуации конфликта, ибо появление на этнической территории одного этноса представителей другого этноса всегда было связано с какими-то политическими пертурбациями. Потому неудивительно, что оценочное восприятие «чужого» всегда было негативным, всегда порождало предвзятость и, в итоге, основанную на ней негативную оценку психологических свойств и качеств «чужого», его психологический портрет. Сами по себе эти свойства и качества существовать, конечно же, не могут. Они дополняют его физический портрет. Безусловно, в последнем доминируют истинные черты, чего нельзя сказать о портрете психологическом, к котором реальное не только тесно переплетается с вымышленным, но зачастую может и уступить ему.

М. В. Лескинен, известный в России специалист по проблемам формирования этноконфессионального и национального самосознания в среде польской и украинской элит, выделяет три способа выявления отличительных свойств национального характера:

- а) фиксация внешних его проявлений в процессе наблюдения;
- б) выявление особенностей (образов и мотивов) фольклора;
- в) «проверка» известных самоописаний и «внешних» характеристик [2, с. 311].

В рамках историко-имагологических исследований первый способ выявления отличительных свойств национального характера не используется, т. к. связан с наблюдением, которое проводит сам исследователь. Лишенный возможности перенестись в прошлое, он может лишь довериться чужим характеристикам, «проверив» их на объективность (третий способ). Фольклорные же материалы предоставляют исследователю возможность реконструировать психологический портрет «чужого», опираясь на содержащиеся в них описания его психологических свойств и качеств. Разумеется, учитывая то, что в основе психологического портрета лежит предубеждение, предвзятость, рассчитывать на его объективность не приходится. Но не стоит на этом заикливаться, ибо целью реконструкции является сам портрет во всех его аутентичных качествах, а не проверка его на объективность.

Когда и каким образом поляки появились на белорусских землях – вопрос отдельный. Вне всякого сомнения, на начальном этапе этнической истории белорусов они уже присутствовали на белорусских землях, притом в немалом числе. Со временем польский элемент не только широко распространился по белорусским землям и прочно укоренился на них, но и стал позиционировать себя их «хозяином». Право «хозяйствовать» в национальной идеологии поляков обосновывалось тем, что эти земли были обильно политы кровью и потом многих поколений поляков. Должным образом оно было оформлено в польской национальной мифологии. Вместе с тем оно накладывало на поляков, как они считали, обязанности культуртрегерства – распространения европейской, разумеется – в польской редакции, культуры в массах туземного населения.

Нельзя отрицать того, что польская культура в период раннего Нового времени действительно находилась на более высоком уровне развития, нежели восточнославянская и литовская. В русском общественном мнении, в частности, поляки репрезентировались как «культурный» народ [2, с. 311]. Более того, даже выходцы из Беларуси, более близкие к польской, а стало быть – европейской культуре, нежели русские, считались в России носителями образованности и культуры. В качестве примера можно вспомнить хотя бы Симеона Полоцкого.

Польско-литовская уния, вылившаяся в образование в 1569 г. Речи Посполитой, создала условия для ассимиляции белорусской шляхты. Принимая польскую культуру, в представлении избравших путь полонизации – более высокую, последние отрекались от культуры своих отцов и дедов, которая стала культурой простонародья. Известный белорусский историк М. О. Бич писал по этому поводу: «Полонизация верхов общества лишила белорусский этнос... национальной интеллигенции. Происходила фольклоризация белорусской культуры, так как её единственным хранителем и творцом оставалось крестьянство и часть горожан, а также низшее духовенство и часть шляхты, более близкой по своему быту к крестьянам» [3]. Разумеется, выбор этих ренегатов был мотивирован корыстным стремлением преуспеть, воспользоваться открывшимся для них «коридором возможностей». Однако в известной степени это свидетельствует и о превосходстве польской культуры, репрезентовавшей себя в восточнославянских землях в качестве европейской.

Носители и распространители этой культуры активно противопоставляли её культуре простого населения колонизируемой Беларуси, определяя её как «хамская» или «хлопская» [4, с. 66]. Высокой она действительно не была... Те, кто должен был её сделать таковой, своими усилиями, талантом, стали обогащать культуру польскую. Однако это была истинно народная культура. Учитывая же, что подавляющее большинство населения Беларуси составляли крестьяне (хлопы), можно считать её культурой крестьянской.

Так что превосходство политическое, социальное и экономическое, которое в Беларуси имели поляки, усугублялось культурным их превосходством. Ощущение этого превосходства, а точнее – приписываемой польскими «культуртрегерами» белорусскому «хлопу» культурной неполноценности, очень сильно отразилось в белорусской крестьянской психике, белорусском менталитете, формирование которых шло в рамках процесса формирования белорусского этноса, протекавшего вопреки всему. Восприятие белорусским крестьянином польского доминирования и реакция на него как нельзя лучше представлены классиком новой белорусской литературы Я. Коласом в его лиро-эпической поэме «Сымон-музыка» [5]. Автор, рассуждая о трагической судьбе таланта из народа, с глубоким знанием и мастерством показал особенности миропонимания и мировосприятия белорусских крестьян в период польского доминирования на белорусских землях, в том числе и их отношение к полякам.

В рамках формирования белорусской картины мира шёл также процесс складывания стереотипов «чужих». Подобные процессы, как правило, не протекают стихийно и произвольно, хотя и стихийной составляющей отрицать нельзя. Всегда есть те, кто формирует общественное мнение и пытается им управлять. Однако в Беларуси ситуация сложилась таким образом, что в условиях, когда доминирование поляков и демонстрируемое ими отношение к местному населению вызывали у последнего негативную психоэмоциональную оценку, создав условия для формирования соответствующего по характеру стереотипа поляка, осознанным стереотипотворчеством, ввиду отсутствия национальной культурной элиты, некому было заниматься, некому было создавать стереотип поляка, «окультуривая» естественным образом накапливающийся фольклорный материал, очертив, хотя бы, контуры данного стереотипа.

Неудивительно, что процесс этот шёл, что называется, «самотёком». Формирование стереотипа шло через регистрацию отдельных негативных черт польского национального характера. Но в условиях культурной диффузии, ставшей результатом близкого соседства белорусов с поляками и тесным взаимодействием с ними, прежде всего, на бытовом уровне, стало проникновение на обыденный уровень массового восприятия белорусов, через заимствование фольклорных мотивов и образов, черт польского автостереотипа.

Автостереотипы, связанные с самооценкой этноса, его самохарактеристикой, носят комплиментарный характер. Очевидно, что такие заимствования искажали естественный процесс генезиса стереотипа. Попытки привить на строящуюся на предвзятости основу белорусского стереотипа поляка элементы польского автостереотипа придавали этому стереотипу искусственность и делали его нежизнеспособным. Ведь главное содержание и внутренняя цель этнического стереотипа – отделить «своих» от «чужих». Строящийся же на заимствованиях квазистереотип эту грань стирал.

Помимо попыток внедрить в сознание белорусского крестьянина элементы польского автостереотипа имелись, надо признать, более удачные попытки импортировать в него элементы польского стереотипа мазура (мазуры доминировали в массе польских переселенцев), который носил негативный характер. Совпадение негативных характеристик мазура в презентации его поляками из других воеводств с предвзятостью, на которой строилось восприятие белорусами поляков вообще, дало впечатляющий результат. В белорусский стереотип поляка в большом количестве были интегрированы элементы польского стереотипа мазура. В итоге, как писал О. А. Лойко, «знание белоруса о поляке является в значительной степени знанием поляка о себе» [6, с. 104].

О влиянии элементов польского автостереотипа и польского стереотипа мазура на восприятие белорусами поляков свидетельствуют фольклорные материалы, собранные белорусским и польским фольклористом, этнографом и археологом Михалом (Михаилом Адольфовичем) Федеровским (1853–1923 гг.). Среди собранных им белорусских народных песен, пословиц, сказок, загадок, песенных и танцевальных мелодий, которые были изданы в его восьмитомном труде «Lud białoruski» [7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15], содержится множество свидетельств отношения белорусов к своим соседям-полякам, на основе которых можно судить об особенностях белорусского стереотипа поляка, по крайней мере – отдельных его элементов. Однако среди них есть и такие, в белорусской природе которых возникают серьезные сомнения. Особенно это касается материалов, собранных М. Федеровским после своего выхода в отставку с военной службы. Он переехал в своё имение на Пружанщине, где прожил 27 лет, собирая книги, произведения живописи и графики, исторические, фольклорно-этнографические материалы, а также проводя археологические раскопки в Пружанском, Волковысском и других уездах Гродненской губернии. Восточное Подляшье и западная часть белорусского Полесья – зона смешанного проживания поляков, украинцев, белорусов и пр. Культура, в том числе и языковая, на момент сбора М. Федеровским фольклорных материалов, также носила смешанный характер.

Польско-мазовецкая и галицко-волынская колонизация в Подляшье, Понеманье и Полесье, проходившая в средневековье, а также продолжившаяся в раннее Новое время польская колонизация, привели к тому, что этнокультурная ситуация в этом регионе сложилась очень непростая. Настолько непростая, что вряд ли можно говорить о том, что в тот период протобелорусская, а позже – уже белорусская этнокультурная составляющая были доминирующими.

Белорусский географ С. А. Заруцкий, ссылаясь на данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., утверждает, что в Брестском, Кобринском, Пружанском, Слонимском уездах Гродненской губернии и Пинском уезде Минской губернии проживали 999,1 тыс. человек, среди которых белорусский язык в качестве разговорного использовали только 465 тыс. человек (47 % от всего населения). Он объясняет данный факт тем, что 80 % населения Кобринского уезда и 65 % населения Брестского уезда использовали в качестве разговорного западно-полесский диалект белорусского языка, который, ввиду своей специфичности, учёные того времени относили к украинскому языку [16, с. 65].

Коренное население того же Полесья и в XX в. сохраняло многие архаичные черты в материальной и духовной культуре, языке и самосознании, что давало право соседям использовать в отношении их экзоэтноним «полешуки».

Не лишним будет также отметить, что Е. Ф. Карский к «белорусскому племени» относил только население части Восточного Полесья [17].

Так что, возвращаясь к фольклорным материалам, собранным М. Федеровским, и их небесспорному (в смысле белорусскости) происхождению, следует отметить, что, данные материалы, в конечном счёте, дополнили то, что было собрано и, отчасти, уже опубликовано другим белорусским и польским этнографом и фольклористом – Чеславом Петкевичем, уроженцем Хойникщины (д. Бабчин, Хойникский район, Гомельская область) [18, 19]. Притом собрано на Восточном Полесье, т. е. на совершенно другой территории, с населением, в белорусском происхождении которого сомнений не было даже у Е. Ф. Карского [17].

Осторожное отношение к материалам, собранным лично М. Федеровским, вовсе не означает отрицание большого вклада этого учёного в дело собирания белорусских фольклорных материалов и их научного изучения. Многое из того, что им было собрано, публиковалось уже спустя десятилетия после его смерти, что красноречиво свидетельствует о непреходящей научной значимости оставленного М. Федеровским наследия. В частности, особо следует отметить дополнение к шестому тому [13], в котором собраны фривольные и танцевальные песни, представляющие восприятие белорусами поляков в новом свете и демонстрирующие, казалось бы, уже хорошо известные черты стереотипа в совершенно неожиданных ракурсах [13].

О культурной диффузии и о проникновении элементов польского фольклора в белорусскую среду пишет и Генрик Петкевич, рассматривая образ поляка, сложившийся в фольклоре белорусов – жителей Поставского района Витебской области [20, s. 161]. Витебщина, хотя и не соседствовала с историческими польскими землями, была известна в конце XVIII – начале XIX в. своей ролью в распространении в Беларуси польскости и католицизма. Ещё в 1580 г. с разрешения Стефана Батория в Полоцке был основан иезуитский коллегиум. В 1773 г., т. е. через год после первого раздела Речи Посполитой, в результате которого восточная часть нынешней Беларуси была присоединена к Российской империи, решением папы римского Климента XIV орден иезуитов был упразднён. Екатерина II, однако, это решение не поддержала, дав возможность иезуитам заниматься наукой, образованием и миссионерской деятельностью. В результате Полоцк превратился в настоящее «гнездо» иезуитов. В здешнем иезуитском коллегиуме был открыт единственный в то время в Европе иезуитский новициат, где готовили монахов, была создана библиотека, действовала типография. В 1812 г. указом императора Александра I коллегиум был преобразован в Полоцкую иезуитскую академию с правами университета, которая стала первым высшим учебным заведением на территории современной Беларуси. Но просуществовала она всего лишь восемь лет – в 1820 г. она была ликвидирована, а иезуиты были высланы из Российской империи. Развернутая иезуитами пропаганда католичества и её успешность сильно взволновали православное духовенство. Были причины для тревоги и у политиков – в 1801 г. папа Пий VII официально разрешил существование общества на территории России, а в 1814 г. произошло полное восстановление ордена. Было очевидно, что деятельность иезуитов в пределах Российской империи полезна державам, которые не являлись друзьями России.

Г. Петкевич, говоря о поляках и польскости на Поставщине, указывает на то, что в период её нахождения в составе Польши в 1921–1939 гг. многие местные жители, будучи католиками, причисляли себя к полякам, принимали польскую культуру. Обращает внимание и на то, что речь многих из них пестрила польскими словами, образами и примерами из польского фольклора [20, s. 161–162]. Вряд ли стоит сомневаться в том, что это было не их первое соприкосновение с польскостью, а возвращение к тому, с чем они уже были хорошо знакомы.

В то же время автор отмечает, что различные бытовые и социальные конфликты приводили в негативизации образа поляка: «В некоторых текстах обыгрывается взаимное непонимание носителей разных языков (белорусского и польского), персонажи в этих текстах отпускают весьма колкие остроты в адрес собеседников иной национальности» [20, s. 164].

Из приводимых им побасёнок, анекдотов, поговорок есть и такие, которые демонстрируют существовавший в межнациональных отношениях антагонизм:

1) «Мы, поляки, из осдобного пшеничного теста сделаны, а вы из кислого ржаного», – любили напоминать белорусам поляки. А белорусы отвечали: «Нас бог пёк и выпек. Только на сдобные белые булки налетели все птицы, набежали звери, приползли гады ползучие и разнесли весь по свету, а по большей части разбросали по лесам, садам, озерам, лугам. Вот и получились Лесовские, Садовские, Озеровские, Луговские и др. А черный, ржаной на столе остался, и бог его отдал мужикам, пахарям и косарям, которые с уважением к хлебу относятся» [20, s. 162];

2) «Майка не адзёжа, трус не скаціна, – паляк – не сусед!»;

3) «Чым далей ад Польшчы, тым ксяндзу горшэ» [20, s. 162].

В числе российских учёных, являвшихся первопроходцами в деле сбора и внедрения в научный оборот белорусских фольклорных материалов, в которых так или иначе отображается польский национальный характер и содержатся элементы белорусского стереотипа поляка, был Павел Михайлович Шпилевский (1823–1861 гг.). В конце 40–50-х годов XIX в. он публиковался под псевдонимом П. Древлянский. Однако академическая наука сегодня не признаёт достоверность и научность фактов, приведенных в первой работе П. М. Шпилевского «Белорусские народные предания» [21, 22, 23]. Доказано, что большая часть мифических персонажей, описанных П. М. Шпилевским, является плодом его воображения [24, 25].

Однако следует отметить, что заслуга П. М. Шпилевского состоит не в сборе фольклорных материалов, а в пробуждении интереса к белорусам и белорусскости, в содействии процессу их этнической самоидентификации и развитию белорусского национального самосознания. Что же касается белорусского стереотипа поляка, то, как выше уже было сказано, генезис его не идёт сам по себе. Этот стереотип создают, конструируют (как и любой другой), выражая психоэмоциональные реакции будущего носителя (носителей) стереотипа на объект стереотипизации. По этой причине эти труды не утратили своей актуальности и сегодня. Об этом свидетельствует неиссякаемый интерес к ним исследователей, вызывающий необходимость переиздания [26; 27].

Свой вклад в накопление белорусских фольклорных материалов, в том числе содержащих элементы белорусского стереотипа поляка, внёс Павел Васильевич Шейн (1826–1900 гг.), который делал это не только лично, но и при посредстве нескольких корреспондентов, в основном учителей, обученных им приемам записывания и действовавших по составленной им программе. Среди них были и те, кто в будущем стал известен на научном или литературном поприще. Следует, однако, отметить, что в данных материалах польский вектор народного образотворчества белорусов проявляет себя значительно меньше еврейского, свидетельствуя о том, что в XIX в. «чужой» в образе поляка, значительно уступал по значимости и актуальности «чужому» в образе еврея. Тем не менее, именно П. В. Шейн первым опубликовал фольклорные источники, свидетельствующие о главной составляющей отношения белорусов к полякам – добродушной иронии с элементами лёгкого сочувствия. Как, например, эта шуточная песенка: «Ехаў ляшак маркавяны / Конік бураковы / На ім шапка з пастарнаку, / Жупан лапуховы, / Чабацаты з рапы, / А шпоры з фасолі. / Пісталеты з качана, / Кулі з бараболі. / Абступілі ляха свінні, / Пачаў лях страляці. / Свінні кулі пахапалі, / Нечым ваяваці!» [28, с. 568].

Немалую лепту в накопление и изучение фольклорных материалов, содержащих элементы белорусского стереотипа поляка, демонстрирующих оценку белорусами качеств польского национального характера, внесли и другие учёные (этнографы и фольклористы) – Иван Иванович Носович (1788–1877 гг.) [29; 30], Александр Казимирович Сержпутовский (1864–1940 гг.) [31; 32; 33] и др.

Таким образом, дело реконструкции белорусского стереотипа поляка на базе памятников устного народного творчества белорусов – дело непростое, но не безнадёжное. Элементы стереотипа поляка, некие оценочные суждения белорусов, касающиеся поляков и, прежде всего, их национального характера, то и дело встречаются в собранных во второй половине XIX – начале XX в. фольклорных материалах. Главная задача исследователя состоит в отсеивании лишнего – элементов польского автостереотипа, заимствований из сходных по

характеру, но всё-таки чужих стереотипов поляка (русского, например), так или иначе внедрившихся в этническое сознание белорусов, так называемого фольклора. В частности, ещё в начале XX в. российский этнограф, фольклорист, литературовед и писатель Николай Андреевич Янчук, изучив белорусские песни исторического и мифологического характера, «записанные» во второй трети XIX в., разоблачил их как подделки, заключив: «Это нескладные, порой даже бессмысленные стихотворные памфлеты, которые не только не сложены народом, но и не пошли в народ» [34, с. 16].

Материалы, собранные и опубликованные польскими, русскими и белорусскими этнографами и фольклористами, содержат, по большому счёту, не так много информации, позволяющей проводить реконструкцию белорусского стереотипа поляка. Эти материалы содержат лишь отдельные элементы данного стереотипа. Однако, показывая особенности польского национального характера, стиля поведения поляков в белорусской среде, а также реакцию на это поведение белорусов, они дают возможность воссоздать психоэмоциональную основу, на которой строился данный стереотип. Из этого следует, что без изучения памятников устного народного творчества белорусов реконструкция белорусского стереотипа поляка в принципе невозможна.

Источники и литература

1. Байбурун, А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения / А. К. Байбурун // Этнические стереотипы поведения / Под ред. А. К. Байбуруна. – Л.: Наука, 1985. – С. 7–21.
2. Лескинен, М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности / М. В. Лескинен. – М.: Индрик, 2010. – 368 с.
3. Біч, М. В. Нацыянальны склад прамысловыга пралетарыяту Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. / М. В. Біч // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1972. – № 4. – С. 5–13.
4. Кротов, А. М. Особенности существования и развития белорусского стереотипа поляков в конце XVI – I-й половине XIX в. / А. М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2008. – № 4 (49). – С. 64–72.
5. Колас, Я. Сымон-музыка : [да 100-годдзя 1-га выдання паэмы] / Я. Колас. – Мн.: Медыял, 2018. – 284 с.
6. Lojka, O. A. Polak w oczach Białorusina / O. A. Lojka // Narody i stereotypy / pod red. T. Walas. – Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury. – S. 104–112.
7. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej : materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1891 : w 8 t. / M. Federowski. – Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności; skład główny w księgarni Spółki Wydawniczej Polskiej, 1897. – T. 1 : Wiara, wierzenia i przesady z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. – 509 s.
8. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1893 : w 8 t. / M. Federowski. – Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności ; skład główny w księgarni Spółki Wydawniczej Polskiej, 1902. – T. 2 : Baśnie, przypowieści i podania ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. Cz.1: Baśnie fantastyczno-mityczne – 358 s.
9. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1894 : w 8 t. / M. Federowski. – Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności; skład główny w księgarni Spółki Wydawniczej Polskiej, 1903. – T. 3 : Baśnie, przypowieści i podania ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy, Nowogródka i Sokółki. Część II: Tradycje historyczno-miejscowe, oraz powieści obyczajowo-moralne – 312s.
10. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905 : w 8 t. / M. Federowski. – Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1935. – T. 4 : Przysłowia, żarciki, wyrażenia stałe oraz zagadki ludu, mieszczan i zagrodowców z okolic Grodna, Sokółki, Białegostoku, Bielska, Wołkowyska, Słonima, Nowogródka, Słucka, Lidy, Wilejki, Świącian i Oszmiany. – 490 s.

11. Federowski, M. Lud białoruski: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905 : w 8 t. / M. Federowski / Zakład Słowianoznawstwa Polskiej Akademii Nauk: kom. red. Antonina Obrębska-Jabłońska (przewodn.) et al. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958. – T. 5 : Pieśni miłosne, weselne, rodzinne, doroczne i inne z okolic Wolkowyska, lidy, Grodna, Slonima, Białegostoku, Sokółki, Prużany, Nowogródka i Slucka. – 917 s.
12. Federowski, M. Lud białoruski: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905 : w 8 t. / M. Federowski / Zakład Słowianoznawstwa Polskiej Akademii Nauk: kom. red. Antonina Obrębska-Jabłońska (przewodn.) et al. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960. – T. 6 : Pieśni frywolne i tańce, pieśni różne, pieśni polskie oraz dumy i pieśni obrzędowe. – 595 s.
13. Federowski, M. Lud białoruski : w 8 t. / M. Federowski. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960. – Uzupełnienie do T. VI : Pieśni frywolne i taneczne – 75 s.
14. Federowski, M. Lud białoruski : w 8 t. / M. Federowski / kom. red. A. Obrębska-Jabłońska (przewodn.) et al. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1969. – T. 7 : Suplement do tomu V i VI. – 487 s.
15. Federowski, M. Lud białoruski : w 8 t. / M. Federowski / Zakład Słowianoznawstwa Polskiej Akademii Nauk: oprac. Maria Czurak; red. nauk. A. Obrębska-Jabłońska; – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1981. – T. 8 : Inedita, pieśni z archiwum zbieracza. – 337 s.
16. Заруцкий, С. А. трансформация этнического состава и структуры населения Брестской области в XX – начале XXI столетий / С. А. Заруцкий // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 5. Хімія. Біялогія. Навукі аб зямлі. – 2015. – № 1. – С. 63–70.
17. Этнографическая карта Е. Ф. Карского, 1903 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/29/Belarusians_1903.jpg. – Дата доступа: 15.07.2022.
18. Pietkiewicz, Cz. Polesie Rzeczyckie : materiały etnograficzne. Cz. 1. Kultura materjalna / Cz. Pietkiewicz. – Kraków: Nakładem Polskiej Akademji Umiejętności, 1928. – 318 s.
19. Pietkiewicz, Cz. Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego : materiały etnograficzne / Cz. Pietkiewicz. – Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1938. – 459 s.
20. Pietkiewicz, H. Образы Латыша и Поляка в белорусском фольклоре (на материале Постапавскага раёна Віцебскай вобласці) [pol. Obraz Łotysza i Polaka w białoruskim folklorze. Na materiale obwodu witebskiego] / H. Pietkiewicz // Bibliotekarz Podlaski. – 2019. – № 4 (XLV). – S. 153–165.
21. Древлянский, П. Белорусские народные предания / П. Древлянский // Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения. – 1846. – Кн. 1. – С. 3–25.
22. Древлянский, П. Белорусские народные поверья. Статья вторая / П. Древлянский // Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения. – 1846. – Кн. 3. – С. 85–125.
23. Шпилевский, П. М. Белорусские народные поверья. Статья третья / П. М. Шпилевский // Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения. – 1852. – Кн. 3. – С. 37–68.
24. Левкиевская, Е. Е. Механизмы создания мифологических фантомов в «Белорусских народных преданиях» П. Древлянского [Электронный ресурс] / Е. Е. Левкиевская. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya3.htm>. – Дата доступа : 20.07.2022.
25. Топорков, А. Л. Из истории литературной мифологии XIX века («Белорусские народные предания» П. Древлянского) [Электронный ресурс] / А. Л. Топорков. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov5.htm>. – Дата доступа: 20.07.2022.
26. Шпилевский, П. М. Путешествие по Полесью и белорусскому краю / М. Шпилевский; предисл., сост. С. А. Кузнецова. – 2-е изд. – Мн.: Польша, 2004. – 251 с.
27. Шпілеўскі, П. М. Беларусь у абрадах і казках / П. М. Шпілеўскі. – Мн.: Літаратура і мастацтва, 2010. – 304 с.

28. Белорусские песни, собранные П. В. Шейном // Записки Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии. – СПб.: Типография Майкова, 1873. – С. 281–770.

29. Белорусские песни, собранные И. И. Носовичем // Записки Императорского Русского географического общества. По отделению этнографии. – СПб.: Типография Майкова, 1873. – С. 45–280.

30. Сборник белорусских пословиц, составленный И. И. Носовичем // Записки Императорского Русского географического общества. По отделению этнографии // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1874. – Т. XII. – Ч. 2. – 232 с.

31. Сержпутоўскі, А. К. Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі. – Мн.: Універсітэцкае, 1999. – 191 с.

32. Сержпутоўскі, А. К. Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета / А. К. Сержпутоўскі. – Мн.: Універсітэцкае, 2000. – 270 с.

33. Сержпутоўскі, А. К. Русальная няздзя. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі. – Мн.: Вышэйшая школа, 2009. – 478 с.

34. Янчук, Н. А. О мнимо-народных белорусских песнях исторического и мифологического содержания / Н. А. Янчук. – Харьков: Типография «Печатное дело», 1908. – 23 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГТУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ